

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Плужникова Н.Н., Саенко Н.Р. Техника: метафоры "машины" и "механизма" в истории философской мысли // Философия и культура. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.10.72077 EDN: AGXCWM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72077

Техника: метафоры "машины" и "механизма" в истории философской мысли

Плужникова Наталья Николаевна

ORCID: 0000-0002-4143-1216

кандидат философских наук

доцент; кафедра Гуманитарные дисциплины; Московский политехнический университет
140050, Россия, Московская область, пгт. Красково, ул. Школьная, 2/3, кв. 98

✉ pluzhnikova@bk.ru

Саенко Наталья Ряфиковна

ORCID: 0000-0002-9422-064X

доктор философских наук

профессор; кафедра Гуманитарные дисциплины; Московский политехнический университет
107023, Россия, г. Москва, ул. Павла Карчагина, 22

✉ rilke@list.ru

[Статья из рубрики "Философия техники"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.10.72077

EDN:

AGXCWM

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2024

Аннотация: Статья посвящена изучению концепта «техники» в истории философской мысли. Авторами последовательно проанализированы психологические, символические и социокультурные факторы влияния на процессы зарождения и эволюционирования техники, которая представлена в истории, прежде всего, классической философии, в виде метафор «машины» и «механизма». Данный фокус исследования позволяет в

исторически и культурно опосредованном философском дискурсе провести изучение взаимодействия человеческого и технического. В заключение дан краткий обзор моделей репрезентации техники и образа человека, связанного с ней, как машины или механизма, доминирующих в современной информационной культуре, выделены гносеологические философские и естественно-научные факторы функционирования данного процесса, а также сделан вывод о доминирующем концепте техники в качестве "несущей конструкции" современной культуры. С помощью сравнительного метода исследованы античные, средневековые, а также относящиеся к Новому времени и современные концепции техники, а также формируемой ей бинарной оппозиции «человека – машины». Впервые проведена реконструкция концепта техники посредством анализа социально-культурного дискурса в философских построениях. Определена роль данных построений в культуре. Авторы пришли к следующим выводам: 1. Генезис концепта техники был связан с пониманием техники в качестве технологии, однако техника в античной мысли была более широким концептом, обозначающим всю совокупность искусственной деятельности людей, представленных в технологиях (конкретных предметах, образах) как средствах опредмечивания действительности. 2. «Несущей конструкцией» концепта техники в западноевропейской культуре являются метафоры «машины» и «механизма», заложившие основы понимания человека в постиндустриальном обществе. 3. Современная культура может быть рассмотрена как технико-технологическая действительность, продолжающая реконструкцию метафоры «машины», сложившейся в истории философской мысли.

Ключевые слова:

техника, технология, машина, механизм, история философии, общество, человек, культура, схематизация, формализация

В процессе исторической эволюции философская рефлексия феноменов, процессов и объектов внешней действительности периодически обнаруживала определенное тяготение к механистическим интерпретациям в создании объяснительных моделей объектов, обладающих способностью не только к перемещению в пространстве, но и к самостоятельному контролю и определению особенностей этого процесса. Попытки объяснения внутренней природы и структуры такого рода феноменов при переходе от объектов, процессов и явлений природы к феноменологии культуры, в силу целого ряда причин, главным образом связанных с общефилософским генезисом исторически сменяющих друг друга протонаучных и эпистемологических концепций, на этих самых ранних этапах во все большей степени эволюционировали от трактовок религиозно-мифологических (природа) к трактовкам механистическим (культура).

Указанная тенденция с усложнением создающейся сферы культуры, науки, а затем и техносферы человека обозначила все более отчетливо формулируемый запрос не только на адаптацию, но и на интеграцию все более новых представлений о технике и ее влиянии на человека и общество. В этом контексте речь идет об актуальности изучения создаваемой единой научно-философской традиции представления о технике, которой разум человека и далее планировал придерживаться в процессе своего не только постижения, но и создания нового в естественной опоре на уже имеющийся фундамент знаний.

Однако последующая оценка особенностей процесса развития мира культурных и научно-технических достижений человека и общества обратила внимание также и на

целый ряд затруднений, неизменно возникающих по ходу этого развития вследствие крайней подвижности грани между метафоризацией и реализацией историко-реконструкций о технике в качестве механистических представлений о последней в философском дискурсе, в языке, и в человеческой практике – что, по существу, и определило актуальность настоящего исследования.

Цель настоящего исследования – анализ историко-философского дискурса в осмыслении и становлении концепта техники применительно к современным тенденциям ее развития. Реализация данной цели исследования невозможна без учета особенностей метафоризации концептов «машина» и «механизм» в хронологически эволюционирующем научно-философском и культурно-историческом дискурсе различных по своему содержанию исторических вех философской мысли.

В античности прямо или косвенно ставился вопрос о возможности представления процесса познания окружающего мира через следование законам естественного развития и в подчиненности этого познания известным на то время правилам логики и математики (законам численных преобразований и геометрическим закономерностям). Эта сохраняющаяся и никогда не доводимая до своего логического завершения склонность к поиску начал взаимосвязанной и строгой схематизации и систематизации, как приоритетных основ построения изменяющихся в пространстве и времени образов внешнего мира, являлась одной из наиболее заметных универсалистских тенденций внутри закладываемых основ будущей философской, а затем и научной эпистемологии [\[1\]](#). Изучение техники как технологии, схематизации описания действительности берет свое начало со времени возникновения философии [\[2\]](#).

Самые ранние свидетельства о технике в качестве технологии опредмечивания социокультурной действительности относятся к Древней Греции. Одна из ранних тем, которая звучит в творчестве древних философов — это тезис о том, что технология учится у природы или подражает ей [\[3, с. 325-326\]](#). Например, по Демокриту, строительство домов и ткачество были впервые изобретены путем подражания ласточкам и паукам, строящим свои гнезда и сети соответственно [\[4; 5, с. 154\]](#).

Аристотель ссылался на эту традицию, повторяя примеры Демокрита, но он не утверждал, что технология может только имитировать природу: «обычно технэ в некоторых случаях завершает то, что природа не может довести до конца, а в других имитирует природу» [\[6\]](#).

Вторая тенденция развития философской мысли в осмыслении концепта техники в античной философии — это тезис о том, что существует фундаментальное онтологическое различие между природными вещами и артефактами. Согласно Аристотелю [\[7\]](#), первые имеют свои принципы порождения и движения внутри, тогда как последние, поскольку они являются артефактами, порождаются только внешними причинами, а именно человеческими целями и формами в человеческой душе. Природные продукты (животные и их части, растения и четыре элемента) движутся, растут, изменяются и воспроизводят себя внутренними конечными причинами; они подвижны целями природы. Артефакты, с другой стороны, не могут воспроизводить себя. Без человеческого ухода и вмешательства они исчезают через некоторое время, теряя свои искусственные формы и разлагаясь на (природные) материалы.

Тезис о том, что существует фундаментальное различие между рукотворными продуктами и природными веществами, определил последующее определение концепта техники в

истории философской мысли. Так, например, в Средние века Авиценна критиковал алхимию на том основании, что она никогда не сможет производить «подлинные» вещества [\[8, с. 147\]](#).

Учение Аристотеля о четырех причинах — материальной, формальной, действенной и конечной — можно рассматривать как ценный вклад в философию техники, определяя технику как совокупность артефактов, искусственно создаваемых людьми в процессе своей деятельности, в которой отражена идея конфликтности материи и формы. В этой связи, известный мысленный парадокс «корабль Тесея» о материальном строении предмета и его изменении во времени был введен в современную философию Гоббсом как демонстрация конфликта между единством материи и единством формы. Американский исследователь Дэвид Уиггинс считает его даже определяющей характеристикой артефактов [\[9, с. 89\]](#).

Техника в античности понималась также как искусство. Имеющая собственное и самостоятельное эстетическое измерение доминанта гармонии внешних зримых форм и визуальных образов в искусстве и архитектуре античности по сути, выполняла функцию символики переднего края («фасада»), позади которого шли постоянные и часто мучительные поиски единства материального и идеального в форме гармонизации визуализируемого (структура) и практически-прикладного (функционализация) содержания этих же образов и форм. Причем, решая эти часто крайне непростые задачи, человек, как культурный субъект, стремился черпать свое вдохновение в гармонизации образов внешнего мира естественного характера, не оставляя без внимания и себя самого, вследствие чего в последующем и возникли представления о теле человека, об обществе, как форме совместного проживания людей, имеющей собственную структуру и организацию, а следом затем и о мире в целом — как о «машине» [\[10\]](#). Обращает на себя внимание и то, что в своем последующем историческом генезисе такого рода образ техники в качестве «машины» действительности еще более укрепился при переходе от античности к раннему европейскому Средневековью. Однако далее, при переходе от последнего к эпохе Ренессанса и к Новому времени, эта ситуация глубоко и существенно изменилась.

Отсылка формирования концепта техники в качестве обращения к метафоре «машины» наиболее ярко проявила себя в философии Ж. Ламетри. В философии Ж. Ламетри общество рассматривается как машина, а роль техники заключается в том, что техника становится формой выражения могущества человека [\[11\]](#). Техника у философа абсолютизирует всю реальность, придавая ее механизированную структуру. Философ утверждал, что все мысли, чувства и действия объясняются физическими процессами в теле человека. При этом механизм человеческого тела способен самостоятельно заводиться и поддерживать рабочее состояние.

Развитие капитализма на рубеже XVI – XVII в.в. в Европе впервые в истории человечества превратило науку в реальную производительную силу и сделало научную деятельность хотя бы в определенных отношениях экономически рентабельной, к чему предыдущие исторические периоды развития науки просто даже не могли приблизиться. Однако, в то же самое время, пикообразный рост прикладной роли науки и немедленное внедрение ее реальных достижений в обычную жизнь и в экономику предъявили принципиально новые требования к точности и валидности результатов научного исследования, что не могло не повлиять на новый, в значительной степени обновленный по сравнению со Средневековьем, статус науки Нового времени как реально и полноценно функционирующего социального института, эффективно и продуктивно

интегрированного в социальное пространство европейского общества XVI – XVII в.в. Точная механика, оптика, гидравлика становятся теми сферами научного поиска и исследования нового, в рамках которых возникают и закрепляются первые модели верификации теоретических научных построений не только научной, но и общесоциальной практикой, тем самым дистанция между научной практикой и теорией (и обратно) сокращается, а сами эти дисциплины «новой» физики формируют, по существу, идеал классической науки Нового времени.

К рубежу XVII – XVIII в.в. у научного сообщества копится все больше вопросов к научным моделям объяснения действительности и соответствующей им картине мира, в основе которой лежит механистический детерминизм Ньютона – Лапласа, поскольку при переходе от статических математических моделей и построений к динамике, прежде всего – к термодинамике, обнаруживается целый ряд несоответствий, опровергающих исключительность претензий детерминистской классической механики на абсолютный универсализм в мире науки. Открытие первого и второго начал термодинамики обнаруживает существенные расхождения в результатах описываемой физической реальности с предыдущими механистическими трактовками, применение которых оказывается не в состоянии такие расхождения объяснить.

Парадоксально, но эпоха Просвещения, начиная уже от раннего английского Просвещения XVI – XVII в.в., поставила перед человеком и человечеством больше вопросов общефилософских, нежели собственно научных. Менее подверженная опеке со стороны средневековых схоластов, по сравнению с естественнонаучными дисциплинами, математика подошла к этому времени с существенно большим потенциалом, тогда как происходящие в это время практически одно за другим новые научные открытия сформировали и обозначили требование все большего расширения и универсализации математической методологии науки, тем самым заложив основы математизации естествознания как одной из характерных для развития науки в то время тенденций.

Таким образом, увеличение объемов математических расчетов, связанных с инновационной деятельностью ученых-естественников Нового времени, с одной стороны, и успехи механики, в т.ч. теории механизмов и машин, с другой – постепенно поставили перед научным сообществом вопрос об оценке самой возможности создания «вычислительной машины» [\[12\]](#), способной при большом уровне сложности и объемах вычислений заместить человека в этой рутинной сфере развития науки. Поскольку у этой проблемы было как минимум две стороны, то все то же впоследствии оказалось также и инициализацией процесса развенчания идеологии человеческого разума как вершины божественного творения. Впервые в истории науки единый и цельный человек акционально и операционально приравнялся к совокупности «человек плюс машина» – а это было терминологически небезопасно, поскольку, по сути – тем самым возник и утвердился новый антропологический ракурс, внутри которого такого рода перепозиционирование прямо указывало на возможность замещения человека машиной. Это формировало некоторый концептуальный каркас для осуществления последующего перехода от метафоры к практике, и от естественного к искусственному, способному внутри такого рода практики заместить это естественное вполне себе продуктивно.

За этим последовал ряд концептуальных отчасти смещений – отчасти замен в выборе внутренних семантических предпочтений в словаре сначала научного, а затем общефилософского дискурса, что создало принципиально новые, до того невозможные, условия перехода от понимания человеческого разума как машины, к несопоставимо

более сложному пониманию устройства мироздания как также своего рода машины в рамках принципиально новых взглядов на это мироустройство, возникших в тотально-детерминистском пространстве классической механики по итогам научных трудов Ньютона – Лапласа – Лейбница, и ряда других выдающихся мыслителей того времени [13]. Бог-творец обретал прежде канонически невозможный для него статус «Великого Часовщика», который как бы «заводил» весь этот вселенский механизм регулярно с тем, чтобы движение внутри него, как и внутри всякого другого механизма, осуществлялось постоянно и не прерывалось ни на мгновение, поскольку невыполнение этого условия рушило базисные постулаты классической механики и денонсировало ее же аксиоматику [14]. Эта охранительная позиция в конце концов привела к отождествлению внутри научного, а затем и массового сознания образа окружающего человека мира с образом огромного механизма, своего рода «технической матрицы» XVII – XVIII в.в., научное обоснование истинности взглядов на который немедленно переводило его из статуса метафоры в статус удобной для человеческого понимания объяснительной модели, содержательно фундируемой и верифицируемой наукой того времени.

Не только европейская культура, но и вся цивилизация Старого Света с течением времени все более отходила от следования примату «чистой науки» в сторону прагматики и функционализации в формировании концепта «техника» – и тем самым становилась все более технократической, т.е. «машинной». Совершенно очевидно, что эта сторона бытия «нового» европейского человека все более обособлялась от идеализма и от связанных с ним проблем классической европейской философии не только в сфере онтологии, но и гносеологии – а вслед за тем и выстраивании новых аксиологических предпочтений. Так, в частности, этот новый европейский человек со значительно меньшими затратами смог миновать глубокий кризис европейской культуры рубежа XIX – XX в.в., поскольку для него не существовало проблемы утраты прежнего божества и наступивших после этого «сумерек» (в терминологии Ф.Ницше), ибо у него уже было его новое божество – и это божество было создано им самим [15]. Тем самым этот «новый технократический европейский человек» исполнил функцию богостроительства, над проблемами которого, например, так много и разнообразно корпела в это же время религиозная русская философия – да еще и смог реализовать все это таким образом, чтобы воплотить сверхчеловеческий идеал Ф.Ницше – правда, в специфическом образе «Великого Технократа», или «Великого Инженера», который далее становится почти неразличимым с образом «Великого Архитектора Вселенной» мирового масонства. Созданное новым европейским человеком божество было машиной в самом широком смысле этого слова. Новый европейский человек свято и истинно верил в создаваемое им не как в метафору, а как в самую настоящую реальность – как в принципиально новое бытие, обретающее в тотальности и прагматизме этой веры свой новый, самостоятельный и обособленный онтологический статус.

Эта новая тенденция в массовом сознании европейского общества рубежа XIX – XX в.в., переживающего глубокий культурный кризис вследствие утраты основ прежней аксиологии и потому отчаянно и повсюду изыскивающего новые идеалы, способные заменить идеалы утраченные, обретает такую силу и мощь, что это находит отражение даже в художественной культуре того времени. Можно совершенно по-разному относиться к таким мировым киношедеврам, как, например «Метрополис» Ф. Ланга, или «Новые времена» Ч. Чаплина, однако ни у профессиональных критиков, ни у массового зрителя не возникает ни малейшего сомнения в том, что человек, «естественный» человек, как массовый и обобществленный персонаж обоих этих фильмов, равно как и мир, окружающий этого прежде «естественного» человека, проигрывают новому миру

машин, к которому необратимо переходят полномочия по организации жизни социума и по управлению им. Символический триггер целенаправленно опрокидывается постановщиками обоих этих фильмов – и уже не машина, или механизм, становятся метафорами в стремительно исчезающем «до-машинном» мире прежнего человека – сам человек становится метафорой – некой «как-бы-машиной» в нарождающемся новом мире машин в функции того или иного механического придатка к нему.

Многоплановый характер визуализации процесса омассовления этой «придаточности» на киноэкране перед глазами зрителя ставит вопрос о жанровой принадлежности обеих этих кинокартин – только ли антиутопией «в чистом виде» они являются? Современный человек сам, добровольно сегодня садится за руль автомобиля, или за клавиатуру компьютера, сам и по доброй воле формирует свой образ внутри виртуальной реальности и оперирует им там столь же сноровисто, как и в реальности настоящей. Человек меняется вместе со временем и с окружающей его культурой в технократическом мире, обретая новый статус оператора, пользователя (а отчасти и создателя) того или иного технического устройства – и тем самым конвергируется с техносферой функционально и операционально на основе ее собственных, внутренних законов, которые лишь в определенной степени опираются на законы функционирования и развития природы, общества, человека.

С гносеологической точки зрения, такого рода конвергенция невозможна только как чисто физическое взаимодействие объектов, в препозиции этого взаимодействия всегда должна лежать возможность импликации в новую реальность тех или иных значимых сторон человеческого бытия – его антропных констант, которые могут быть использованы разумом и телом человека для создания такой условной модели последнего, целью создания которой является адаптация «естественного» человека, и которая могла бы эффективно и целенаправленно функционировать внутри пространства такой искусственно созданной реальности. Фактически – все это суть новые «машинные» роли, которые современный человек, ведомый динамикой техносферы, добровольно примеряет на себя внутри непрерывно меняющейся и развивающейся реальности.

Информационная культура постиндустриального общества, трактуя человека как единицу, в равной мере принадлежащую как миру биологическому, так и миру технико-технологическому, опирается на множественные паттерны машинно-антропной аналогизации, корни которых уходят в исторический генезис анатомии и физиологии тела человека, физиологии его высшей нервной деятельности и т.п. Работы И. И. Мечникова и И. П. Павлова по физиологии высшей нервной деятельности человека, по теории адаптации и практике исследования рефлекторной деятельности организма человека положили начало кибернетическим трактовкам высшей нервной деятельности человека с последующим проведением функциональных аналогий между деятельностью его ЦНС и работой современной вычислительной техники [\[16\]](#).

Возникновение современной коммуникационной культуры и ее главного детища – цифрового пространства виртуальной реальности – фактически ознаменовало свершение когнитивной революции, которая, как и всякая другая революция вообще, поставила вопрос о новом фактическом статусе ее главного участника и основной движущей силы – человека, рассматриваемого ныне в операционально-функциональном ключе в качестве сложной открытой системы конвергентного типа, обменивающейся с внешним миром материей, энергией и информацией то как объект биосферы, то, как субъект техносферы. На данные антропологические аспекты неоднократно указывает в своих исследованиях известный отечественный ученый В.А. Кутырев [\[17, 18, 19\]](#), а применение

методов моделирования может вызвать весьма интересные эффекты исследования концепта техники [20]. Этот самый современный (из всех известных философии и культуре человека) дуализм позволяет откорректировать один из базисных принципов современной философии науки – антропный принцип – в сторону тех очевидных изменений, которым быть не только свидетелем, но и творцом, выпала современному человеку судьба.

В качестве выводов, к которым пришли авторы данного исследования, можно обозначить следующие выводы:

1. Генезис концепта техники был связан с пониманием техники в качестве технологии, однако техника в античной мысли было более широким концептом, обозначающее всю совокупность искусственной деятельности людей, представленных в технологиях (конкретных предметах, образах) как средствах опредмечивания действительности.
2. «Несущей конструкцией» концепта техники в западноевропейской культуре являются метафоры «машины» и «механизма», заложившие основы понимания человека в постиндустриальном обществе.
3. Современная культура может быть рассмотрена как технико-технологическая действительность, продолжающая реконструкцию метафоры «машины», сложившейся в истории философской мысли.

Библиография

1. Sternberg R.J. *Metaphors of mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
2. Vallianatos E. G. *The antikythera mechanism. The story behind the genius of the Greek computer and its demise*. Universal Publishers, 2021.
3. Платон. Законы. Послезаконие. Письма. СПб.: Наука, 2014.
4. Diels H., *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Berlin: Weidmann, 1903.
5. Freeman K. 1948, *Ancilla to the Pre-Socratic Philosophers (A complete translation of the Fragments in Diels, Fragmente der Vorsokratiker)*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1948.
6. Schummer J. Aristotle on Technology and Nature // *Philosophia Naturalis*. Vol. 38, 2001. Pp. 105–120.
7. Аристотель. Физика. М.: Соцэкгиз, 1937.
8. Briffault R. *Rational Evolution (The Making of Humanity)*. New York: The Macmillan Company, 1930.
9. Wiggins D. *Sameness and Substance*, Oxford: Blackwell, 1980.
10. Seung S. *Connectome. How the brain's wiring makes us who we are*. Boston: Mariner Books, 2013.
11. Степанова И.Н. «Человек-машина» как антропологическая эпистема индустриальной цивилизации // *Вестник КГУ*, 2009. № 2. С. 43-46.
12. Boden M. A. *Mind as machine. A history of cognitive science*. Oxford: Clarendon Press, 2008.
13. Bonner A. *Transformation-Based Reactive Systems Development*. ARTS 1997. Lecture Notes in Computer Science / M. Bertran, T. Rus. Berlin, Heidelberg : Springer, 1997. Pp. 1-14.
14. Шилов В. *На пути к искусственному интеллекту: Логические ЭВМ и их создатели*. М.: Ленанд, 2019.
15. Fraile A., Panagiotakis E., Christakis N., Acedo L. *Cellular Automata and Artificial Brain Dynamics // Mathematical and Computational Applications*. 2018. T. 23. № 4. P. 75.

<https://doi.org/10.3390/mca23040075>.

16. Татаринов Л. П. Параллелизм и направленность эволюции // Эволюция и биоценотические кризисы. - М.: Наука, 1987. С. 124-143.
17. Кутырёв В. А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009.
18. Кутырев В. А. Человечество и Технос: философия коэволюции / В. А. Кутырев, В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов. СПб.: Алетейя, 2020.
19. Кутырев В. А. Постчеловеческая революция как результат технологизации человеческого мира // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. Т. 7. № 1-3. С. 45-49.
20. Беляев Н. Ю. «Механицизм». К проблеме онтологических оснований новоевропейского мышления // Studia Culturae. 2005. № 8. С. 144-162.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Техника: метафоры "машины" и "механизма" в истории философской мысли» предмет исследования – это изменения в восприятии техники, которые влияют на мировоззрение человека и культуру общества. Целью данного исследования является анализ историко-философского дискурса, посвящённого осмыслению и развитию концепта техники, с учётом современных тенденций её развития.

В тексте не указаны конкретные методы, использованные в исследовании. Однако, исходя из общего контекста, можно предположить, что в работе использовались методы философского дискурсивного анализа и сравнительного анализа особенностей метафоризации концептов «машина» и «механизм» в хронологически эволюционирующем научно-философском и культурно-историческом дискурсе различных по своему содержанию исторических вех философской мысли. Это даёт возможность лучше осознать истоки и эволюцию современных представлений о технике и её месте в обществе.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, значительным влиянием техники на мировоззрение и культуру, а с другой — недостаточной изученностью феномена техники. Быстрая трансформация техники в ключевой фактор экономических и социальных изменений делает особенно важными различные методологические вопросы, касающиеся сущности, происхождения, содержания, развития и социальной роли техники. Работа подчёркивает важность методологического подхода к изучению техники, что может способствовать дальнейшему развитию философии техники как самостоятельной области знания.

В рамках работы аргументированы следующие выводы, имеющие научную новизну: 1. Генезис концепта техники изначально был связан с ее пониманием как технологии. Однако в античной философии техника охватывала более широкое значение, включающее все формы искусственной деятельности человека, которые проявлялись в технологиях и предметах как инструментах отражения реальности. 2. Концепт техники в западной культуре строится на метафорах "машины" и "механизма", которые легли в основу восприятия человека в постиндустриальном обществе. 3. Современная культура воплощает технико-технологическую реальность, продолжающую развивать метафору "машины", укоренившуюся в истории философской мысли. Исследование акцентирует внимание на значительном влиянии техники на культуру и мировоззрение современного человека, что имеет важное значение для понимания текущих и будущих социальных

изменений.

Данное исследование характеризуется общей согласованностью, которая задаётся последовательным описанием понимания «техники» в античной, новоевропейской и современной западной культуре. Содержание соответствует требованиям научного текста. В целом работе присущ хороший уровень философской рефлексии.

Библиография работы включает 20 публикацию и состоит произведений, затрагивающих понимание техники в различные исторические эпохи. Тем самым, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в определённой мере. Тем не менее, следует подчеркнуть, что оформление списка литературы не полностью соответствует требованиям издания.

Таким образом, представленная на рецензирование статья «Техника: метафоры "машины" и "механизма" в истории философской мысли» имеет определённую научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована. Статья представляет интерес для специалистов в области философии техники.